

УДК 152.3

Кирилл Витальевич Злоказов
кандидат психологических наук, доцент
начальник кафедры педагогики и психологии
Уральского юридического института
г. Екатеринбург. E-mail: zkirvit@yandex.ru

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

В статье представлен феномен деструктивности личности как способ формирования идентичности, реализуемый путем разрушения актуальных для субъекта социальных структур. Деструктивность рассматривается как форма активности субъекта, направленная на разрушение внешних структур и выстраивание собственного, отличного от других структурного образа (идентичности). Деструктивная активность в этом смысле не существует вне общества. Эта активность фиксируется в мотивационно-смысловой и регуляторной сферах, самосознании по отношению к функциям (роли, ритуалы, институты), объектам (собственное тело, предметы и конструкции) социального пространства. Ее асоциальный характер видится в исключении субъекта из социального контекста, либо уничтожении структур общества. Деструктивная активность приводит к асоциальным и просоциальным эффектам, влияющим на социальное функционирование субъекта, где асоциальность характеризуется нами как нарушение функционирования социальных структур и институтов, в том числе путем их уничтожения, отчуждением субъекта. Деструкция здесь способ избегания противоречий, связанных, например, с удовлетворением чрезмерно актуализированной потребности. Просоциальный эффект приводит к формированию идентичности субъекта в соответствии с требованиями взаимодействующих с ним социальных структур, синхронизации и модификации идентичности с актуальным социальным опытом.

Ключевые слова: деструктивность личности, идентичность, просоциальная и асоциальная деструкция идентичности.

Обращение к понятию «идентичность» не может не сопровождаться оценкой глобальности воспроизведения этого концепта в современной науке, увеличением частоты обращения к нему в зарубежной и отечественной психологии в последние десятилетия. Исследование публикаций по проблеме развития идентичности, выполненное нами в библиографической базе данных научных публикаций российских ученых (РИНЦ), показывает объем и широту психологических исследований. В системе РИНЦ зафиксированы 2160 публикаций, датированных 2000–2013 гг., обращавшихся к понятию идентичность, его особенностям, содержанию, функциям и специфике. Обзор работ показывает, что идентичность личности, особенности ее становления и развития в отечественной науке становятся предметом исследования возрастной, социальной, педагогической, профессиональной психологии, где в основу исследования заложена проблема субъекта, механизмов, факторов и условий формирования идентичности.

По сравнению с количеством статей, посвященных развитию идентичности, проблемы становления идентичности зрелой личности освещены в меньшем объеме публикаций, а вопросы ее деструкции рассматриваются в единичных работах.

В то же время для современного общества актуальна проблема асоциальной направленности действий его граждан, сопровождаемых насилием и жестокостью в отношении социальных институтов. Нередко антиобщественный характер поступков представляется участниками как форма протеста и обосновывается естественным стремлением человека реализовать свою индивидуальность. Зачастую лица, осуществляющие подобные действия, являются представителями структур, выполняющих функции регуляции общественных отношений – правотворческой, правоохранительной, правоприменительной. Использование ими атрибутов социальной роли и профессиональной компетенции в качестве инструмента протеста имеет наиболее эффективный результат по сравнению с действиями провокативного меньшинства, о чем можно судить на примере событий революционных переворотов государств Африки, Ближнего Востока и ряда стран постсоветского пространства.

Готовность субъекта к фальсификации выполняемой социальной роли, занимаемой профессиональной позиции, разрушению системы сформированных связей, норм и правил в нашем анализе ассоциируются с проблемой развития его идентичности. Сторонами идентичности здесь являются те сферы отношений (профессиональная, социальная), которые оказываются подверженными агрессии субъекта, его целенаправленным действиям разрушительного характера.

Наиболее часто деструктивная активность наблюдается у представителей профессий риска – лиц, осуществляющих деятельность в условиях повышенного дефицита ресурсов, предельного (экзистенциального) напряжения компонент мотивационно-смысловой сферы, и как следствие риска интрапсихического противоречия. Проблема деструкции представителей профессий риска фокусирует внимание на поиске и объяснении психологических детерминант этого процесса, разработке модели психологической диагностики, определении стратегии психологической профилактики и коррекции деструктивного поведения.

Необходимо отметить, что деструктивность рассматривается нами не с точки зрения деформирующего изменения структуры личности профессионала, приводящей к уничтожению его как субъекта трудовой деятельности, а с позиции онтологического развития конкретного человека – со-развития идентичности и индивидуальности субъекта в процессе взаимодействия с социальными структурами.

Цель данной статьи заключается в описании взаимосвязи идентичности и деструктивности, представив последнюю в качестве механизма развития идентичности субъекта.

Основания этой гипотезы обнаруживаются нами в работах ученых, включивших идентичность в круг психологических понятий и очертивших

контуры феномена применительно к проблеме психологического развития человека. В рамках статьи речь пойдет о представителях психоаналитической теории – первой в психологической науке, поставившей проблему развития личности как конкуренции между потребностями индивидуума и социальными условиями их реализации. З. Фрейд в работе «Психология сновидений» использовал понятие идентификация [18, с. 84-86] при обозначении неосознаваемого процесса отождествления себя с другими объектами, сформировав прочную традицию установления причинно-следственной и процессуально-результативной связи между «идентификацией» и «идентичностью». Рассуждая о целях идентификации истероидов, З. Фрейд приходит к мысли о том, что в ее глубинной основе лежит неудовлетворенная потребность, реализуемая лишь в фантазиях субъекта. Так, процесс идентификации начинает приобретать контуры защитного механизма, закрепленные З. Фрейдом позднее при разработке теории Эдипова конфликта.

В поздний период своего творчества Фрейд интерпретирует идентификацию как механизм психологической защиты, суть которого заключается в отождествлении с объектом, обладающим дефицитными свойствами. Деструктивность у Фрейда не связана с идентичностью и представляет собой инстинктивное образование, выражающее стремление к уничтожению и разрушению.

Иное содержание идентичности предполагал К.Г. Юнг, вводя это понятие для описания меры устойчивости личности [25, с. 114]. Развитие человека в зрелости рассматривается им двунаправленно, в стремлении к достижению двух целей – естественной и культурной. Естественная цель достигается человеком путем приближения к природе и требованиям воспитания, усвоенным нормам и правилам общества. Культурная цель может быть реализована только путем отказа от идеалов уже достигнутого: «ценность противовеса прежних идеалов и несправедливость прежних истин», отрицания того, чему следовал человек. Идентичность в процессе жизненного пути человека непрерывно реорганизуется, прежде непринятое и неприемлемое становится элементом структуры постоянно преобразуемого «Я» [25, с. 235]. Данная закономерность лежит в основе механизмов трансформации субъекта, описанных К.Г. Юнгом: уменьшение и расширение личности; перемены во внутренней структуре обусловленные инфляцией специфических убеждений, идеосинক্রазией и застреванием; идентификация с группой, идентификация с культовым героем, магическое действие, техническая и естественная трансформация (индивидуация) [26, с. 144]. По характеру преобразований эти механизмы и предполагают деструкцию – изменение внутренней структуры путем разрушения (уничтожения) прежнего, актуализации нового содержания, противоположного имеющемуся ранее.

Развитие идеи об идентичности как стержневой структуры личности проводит Э. Эриксон [24]. Идентичность в эпигенетической теории развития приобретает черты целостной системы, важнейшим признаком которой является устойчивость «ядра» личности – «Эго» на протяжении жиз-

ненного пути человека. Формирование идентичности – это результат взаимоотношения с социальным миром и его ритуалами, накопление опыта принадлежности к различным социальным институтам, группам. Э. Эриксон ставит вопрос об идентичности, описывая интегративную природу этого образования, ее обусловленность не только биологическими характеристиками и социальной ситуацией, но и индивидуальностью. В концепции Э. Эриксона идентичность – это результат индивидуального поступательного движения, совершенствования в социокультурной среде, проходящей в непрерывной динамике идентичности на всем промежутке жизненного пути человека [15]. Формирование идентичности по Эриксону фундаментальная, онтологическая задача субъекта, а ее содержание позволяет судить о степени зрелости взрослого, целостности и осмысленности его жизненного пути. Незрелость, наоборот – следствие несформированной, негативной идентичности, сопровождающееся жизненными проблемами, неудачами развития в профессиональной, семейной сферах. Эриксон закладывает в понятие «негативная идентичность» противопоставление рассматриваемого им процесса конструктивного становления субъекта, проявляющееся в уклонении от присвоения ценностей и идеалов социального окружения, избегании отождествления [28].

Дж. Марсия обозначает четыре стадии развития идентичности (диффузная, предрешенная, мораторий, достигнутая), которые могут быть зафиксированы у субъекта в зависимости от того, насколько он принимает обязательства, ассимилирует ценности и ролевые модели поведения социального окружения. Диффузная идентичность характеризуется отсутствием обязательств, отрицанием ценностей и ролей, отчуждением человека от общества.

Исторически наиболее поздней из психоаналитических теорий, описывающей проблемы становления идентичности, является социокультурная концепция Э. Фромма. В его взглядах на идентичность и деструктивность прослеживаются не только практически переосмысленные идеи психоаналитической школы З. Фрейда, но и взгляды представителей франкфуртской школы социальной философии – Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе и др. Идентичность, по Фромму, двойственна, поскольку обнаруживается в индивидуальном и социальном смыслах [20, с. 91-93]. Индивидуальный смысл идентичности выражается в понимании собственной уникальности, раскрытии внутренней свободы от других людей, социальный – в осознании приобщенности к другим, направленности на созидание и самовоплощение. Двойственность отражается и в социобиологической природе деструктивности: «Специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать (злокачественная агрессия) я выделяю в особую группу и называю словами «деструктивность» и «жестокость» [19, с. 11]. Человеческая природа деструкции скрывается в культурной среде современного Э. Фромму общества, стремящегося к ограничению свободы с помощью социальных инструментов. В этой ситуации деструктивность человека – способ само-

определения, самоидентификации в ситуации, когда иные пути не достижимы; в упрощенном виде – реакция на отсутствие возможности осуществления идентичности.

Завершая краткое обобщение взглядов зарубежных представителей психоаналитического направления, отметим множественность подходов к определению идентичности, различие в интерпретации механизмов ее формирования. Проведенный анализ позволяет сформулировать тезис психоаналитической школы применительно к предмету нашей статьи – деструктивность выступает механизмом формирования идентичности человека и вслед за этой интрапсихической структурой развивается в социальных условиях, обнаруживая себя в отношении к другим объектам социальной природы.

Переходя от исторического анализа к современным представлениям о развитии идентичности зрелой личности обозначим психологическую картину признаков нарушений идентичности. Негативные аспекты развития идентичности анализируются в клинической психологии в связи с концепцией «психического здоровья» и процессами адаптации личности к нормам и требованиям общества. Идентичность в клинической и медицинской психологии есть единство объективных и субъективных критериев, обеспечивающих благополучие социального функционирования и одновременно самореализацию личности, ее аутентичность [13, с. 35]. Нарушение целостности и упорядоченности развертывания идентичности как феномена функционального и экзистенциального бытия проводит к состоянию дезадаптации личности [23].

Особенности нарушений идентичности, изучаемые современными авторами, характеризуют вариативность и разноуровневую природу неполноценной идентичности. К типичным проявлениям таких нарушений относятся повышение уровня ригидности, эмоционального выгорания, стресса развития, тревожности, нарушение доверительных отношений, снижение самооценки [21, с. 124-132].

Нередко при описании феноменологических, экзистенциальных аспектов развития человека нарушение механизмов формирования идентичности связывается с потерей чувства подлинной идентичности [2], возникновением псевдоидентичности [22].

Д. Бьюдженталь устанавливает противоречие интенционального и должного в жизни человека, подчеркивая негативный характер последнего: «...идентичность, основанная на том, что я сделал, как меня воспринимают, что другие думают обо мне, – это идентичность, привязанная к прошлому. Она может привести к застою и повторяемости в жизни. Только подлинная процессуальная идентичность является живой в настоящий момент и способной к изменению и эволюции вместе с потоком моей жизни» [2, с. 74]. Другими словами, развитие идентичности субъекта есть следствие внешнего по отношению к некоему «ядру» воздействия, ставящего онтологические затруднения, преодоление которых способствует развитию и совершенствованию личности. Рассматривая тезис Д.Б. Эль-

конина о том, что личность в той степени личность, в какой она способна преодолевать саму себя, управлять собой, регулировать собственную активность, необходимо расширить представление о механизмах преодоления, управления и трансформации, присущих человеку. Особенность деструкции как одного из подобных механизмов развития идентичности видится в неизбежном разрушении социальных объектов как способа преодоления затруднения.

Деструктивное поведение, как и сам феномен деструктивности, рассматривается нами как форма активности субъекта, связанная с разрушением функционирующих социальных структур. С этой точки зрения субъект обнаруживается в связи со структурой и сам является особого рода структурой. Он реагирует и оценивает другие структуры вне себя, но именно благодаря им он себя и обнаруживает как структурное целое.

Гипотетически можно предположить, что деструкция в отношении других явлений – это одновременно способ обнаружения собственной структурированности, либо идентичной остальным людям, либо принципиально отличной от других. Таким образом, деструктивное поведение – форма активности субъекта, направленная на разрушение внешних структур и выстраивание собственного, отличного от других структурного образа (идентичности).

Деструктивное поведение не существует вне социального пространства, поскольку именно социальные условия определяют способы самопрезентации и саморазвития субъекта в контексте конкретной жизненной (социальной, профессиональной) ситуации. Поэтому идентичность обнаруживается в социальной проекции субъекта – личности, а деструктивность мы описываем как ее свойство. Предпосылки идеи о деструкции как свойстве личности прослеживаются в социальном психоанализе Э. Фромма: «Деструктивность встречается в двух различных формах: спонтанной и связанной со структурой личности. Под первой формой подразумевается проявление дремлющих (необязательно вытесняемых) деструктивных импульсов, которые активизируются при чрезвычайных обстоятельствах, в отличие от деструктивных черт характера, которые не исчезают и не возникают, а присущи конкретному индивиду в скрытой или явной форме всегда» [19, с. 166].

Таким образом, предположение о деструктивности как свойстве личности позволяет перейти к поиску и обоснованию связи этого явления с другими психологическими образованиями – психическими состояниями и свойствами, описывать его структуру и компоненты, иначе – перейти от описательно-феноменологического к объяснительно-измерительному анализу.

В то же время нерешенным остается вопрос о влиянии этого свойства и тех эффектов, которые характеризуют его, на жизнь и деятельность человека. Учитывая, что разрушение субъектом социальных структур осуществляется для модификации идентичности, результатами могут быть асоциальные (деструктивные) и просоциальные (конструктивные) преобразования идентичности.

Асоциальный эффект приводит к нарушению функционирования социальных структур и институтов, в том числе путем их уничтожения. Субъект структурирует собственную идентичность, разрушая социальные отношения и социальные институты, в том числе и себя как представителя социальной (профессиональной) роли. Асоциальность деструкции связана с отрицанием, отчуждением, *извлечением* идентичности из исторически установившихся отношений «личность» – «общество», «Я» – «Друг (-ой, -ая, -ие)». Деструкция здесь – способ избегания противоречий в формирующейся идентичности, где нарастающие изменения избыточны и угрожают целостности уже существующей структуры. Асоциальная деструкция также обнаруживается в ситуации недостатка способов удовлетворения потребности (инфляции), например в ситуации, когда потребность приобретает сверхзначимый характер и идентичность личности формируется в противовес сложившейся, устоявшейся системе социальных отношений субъекта. Упрощение, «сворачивание» идентичности здесь противоположно описанной ранее тенденции расширения до размеров социального института и приводит к редукции содержания личности до необходимой при удовлетворении потребности совокупности отношений. Одним из примеров редукции идентичности выступает изменение личности аддикта. Аддикция обеспечивает формирование социальных отношений субъекта по типу максимального сближения с предметом удовлетворения потребности – игрой, едой, наркотическими препаратами, одурманивающими веществами, работой, хобби, значимым «Другим». Аддиктивная идентичность формируется проекцией потребности, конфигурируя сознание и самосознание, реализуясь в пространстве социальных отношений. По мнению Н.В. Дмитриевой, аддиктивная личность игнорирует то, что человек является не виртуальным образованием, а биологическим существом: «...аддиктивная личность живет в виртуальном мире, руководствуясь «мышлением по желанию», нарушает психобиологические законы необходимые для выживания...» [5, с. 13-14].

В противоположность асоциальному выделим просоциальный эффект, структурирующий идентичность субъекта в соответствии с требованиями взаимодействующих с ним социальных структур. Механизм просоциальной деструкции как аппарат развития личности рассматривается нами в духе гегелевской онтологии. Необходимость понимания собственной идентичности реориентирует субъекта на ее обнаружение и приводит, следуя Гегелю, к негации. Негация – состояние недостатка объекта либо его свойств, стремления к поиску объекта удовлетворения желания. Негация – это также признак субъекта, то есть человека желающего, стремящегося и преодолевающего, изменчивого в степени – «не есть то, чем является и не является тем, что есть» [10, с. 88].

Высшая форма желания – желание Другого, в интерпретации Д. Батлер – стремление быть в глазах окружающих уникальным и полноценным (равным) им [27]. Негативность желания Другого выступает как такая сущность субъекта, которая только случайным образом связана с его

воплощениями и никогда не служит основанием для стабильной и самоидентифицирующей структуры идентичности. Д. Батлер интерпретирует негацию как функцию желания у Гегеля. Желание интенционально, оно заставляет субъекта добиваться, достигать объекта удовлетворения. Характер желания двойствен, поскольку заставляет субъекта либо утрачивать себя в случае, если объект находится в окружающем мире, либо наоборот, утрачивать мир, обнаруживая объект внутри себя [27, с. 25]. Уже здесь можно приблизиться к пониманию механизмов реализации желания, направленных на перестраивание деятельности, отношений и «желающего» субъекта. Интересен деструктивный характер желания по отношению к объекту, отмечаемый А. Кожевным. Удовлетворить желание, следуя его логике, означает уничтожить объект, к которому оно было устремлено [10, с. 13-24]. Действительно, инфляция объекта в психоанализе связывается со стремлением субъекта максимального «растворения» в нем. Нередко при расстройствах сексуального влечения садистские тенденции насильника проявляются в стремлении воздействовать на жертву, изменив форму тела до полного ее уничтожения.

Собственно просоциальный эффект прослеживается в изменении идентичности через ассимиляцию явлений социальной реальности и в когнитивной, эмоциональной, поведенческой сферах активности субъекта. Модификация идентичности вызвана необходимостью «встраивания» субъекта в систему социальных отношений, организующих и определяющих не только удовлетворение некоторых потребностей, но и уточняющих смысловую перспективу, определяющих задачи развития. Можно предположить, что просоциальная деструкция играет большую роль в формировании идентичности взрослого человека, поскольку позволяет субъекту ее реструктурировать, при ассимиляции ритуалов референтных социальных отношений групп и институтов. Вхождение в новый социальный контекст в игровой ситуации, референтную социальную общность с иной атрибутикой и содержанием актуализирует идентичность, предоставляя субъекту пространство для ее реструктурирования. Отходя от идеи масштабной проекции социального на личность обратим внимание на стремление человека изменять параметры собственной идентичности сообразно требованиям социальных структур, например неформальной группы, служебного коллектива. Стремление субъекта противопоставить себя группе, равно как и желание подчеркнуть свою близость, в рамках наших исследований связано с деструктивной направленностью и характеризуется просоциальным эффектом реструктурирования идентичности.

Несмотря на частоту обращения к понятию идентичность ее сущность и механизмы формирования еще не в полностью завершенном виде представлены в науке, однако контуры этого явления в отечественной и зарубежной психологии начали очерчиваться с момента возникновения первых психологических концепций личности.

Концепт «идентичность» был введен в психологию для описания устойчивости личности и ее различных структур, рассматривался как харак-

теристика уровня развития личности, интегративно включающая в себя предыдущие результаты развития (А. Адлер, Э. Эриксон) [1; 24]. В работах З. Фрейда, К.Г. Юнга идентичность обозначала попытки субъекта структурировать себя посредством врожденных и неосознаваемых архетипических образований, а в традиции структуралистов (Х. Теджфел) и когнитивистов (Д. Келли) – частично осознаваемых социальных структур [6]. Наряду с этим подходом идентичность рассматривалась как процесс и результат отождествления с «Другим» (Я. Морено, Дж. Мид) – внешней по отношению к субъекту и референтной ему социальной структурой (Э. Дюркгейм, С. Московичи) [15].

В настоящее время феноменология идентичности в отечественной психологии исследуется в совокупности ее онтологических [3, с. 21] и темпоральных [8] характеристик, рефлексивных [7], структурных [17] и регулирующих [12] функций.

Базовой идеей изложенного в статье подхода выступает тезис о том, что деструктивность – неотъемлемая характеристика личности, способ развития субъекта в пространстве социальных отношений, в которых значение имеют не только стратегии присоединения, но и отчуждения, отрицания.

Обращаясь к деструктивности личности мы фиксируем особый характер саморегуляции, самоуправления, позволяющий субъекту обнаружить и уточнить собственную идентичность путем разрушения социальных структур и отношений. Это направление исследования представляется нам перспективным по ряду причин.

Роль деструктивности как механизма формирования идентичности возрастает в ситуации конкуренции высокореферентных структур – например семейной и профессиональной сфер, наложения индивидуального и общественного планов развития.

Результатом деструктивной активности субъекта выступают асоциальные и просоциальные эффекты реструктурирования идентичности, характеризующие конструктивную либо деструктивную направленность системы социальных отношений, процессы инфляции и редукции содержания личности. Эта активность обнаруживается в мотивационно-смысловой и регуляторной сферах, самосознании по отношению к функциям (роли, ритуалы, институты), характеристикам (прошлое, настоящее, будущее время), объектам (собственное тело, телесность Другого, предметы и конструкции) социального пространства. Ее асоциальный характер видится в исключении субъекта из социального контекста либо уничтожении структур общества.

Изучение деструктивности личности рассматривается нами как многомерный процесс анализа индивидуального своеобразия реализации идентичности в проекции к сферам развития личности и формируемых на этой основе свойств личности и ее структурных составляющих, раскрытия внутренних механизмов межуровневых отношений и функциональных особенностей. Отдельные свойства, качества личности, нашедшие свое

отражение в ряде исследований деструктивности, зачастую распространяются на феномен или его структуру. В таком случае все многообразие деструктивной активности сводится к одному или нескольким одноуровневым личностным, характерологическим проявлениям – анализу агрессивности, суицидов, конфликтов, нервно-психической неустойчивости.

Однако запросы практической деятельности, как показывает анализ, предполагают наличие единства методов диагностики, профилактики и коррекции, что неосуществимо при редукции деструктивности до ее конкретных, поведенческих проявлений. В этой связи представление о деструктивности личности как о иерархически организованной структуре индивидуально-типологических, регуляторных, ценностных характеристик и установок позволяет описать ее содержание через призму эмпирически регистрируемых явлений индивидуальной и социальной жизни субъекта, упрощает изучение механизмов становления идентичности в области развития личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии : пер. с нем. / вступ. ст. А.М. Боковинова. М. : Прогресс, 1995. 296 с.
2. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии (В поисках экзистенциальной идентичности) / пер. с англ. А.Б. Фенько. М. : Класс, 2005. 336 с.
3. Василюк Ф.Е. На подступах к синергичной психотерапии // Моск. психотерапевт. журн. 1997. № 2. С. 5-24.
4. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. 140 с.
5. Дмитриева Н.В., Дубровина О.В. Аддиктивная идентичность виртуально зависимой личности монография. Ишим : Изд-во Ишим. гос. пед. ин-та им. П.П. Ершова, 2010. 198 с.
6. Зверева И.А. Идентичность как философская проблема: социокультурные основания : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. М., 2010. 179 с.
7. Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психолог. журн. 2005. Т. 26, № 1. С. 18-28.
8. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск : Томск. гос. ун-т, 2005. 174 с.
9. Клочко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. № 324. С. 333-337.
10. Кожев А. Диалектика Реального и феноменологический метод у Гегеля // Идея смерти в философии Гегеля М. : Прогресс-Традиция, 1998. 290 с.
11. Коган Л.Н. Социология культуры : учеб. пособие. Екатеринбург, 1992. 120 с.
12. Лукьянов О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: дис. ... д-ра. психолог. наук. Томск, 2009. 289 с.
13. Малейчук Г.И. Методики диагностики степени самоидентичности как критерия психологического здоровья // Психолог. журн. 2009. № 4. С. 35-41.
14. Овчинникова Ю.Г. О путях разрешения кризиса идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2003. № 4. С. 44-45.
15. Орлова Э.А. Концепция идентичности/идентификации в социально научном знании // Вопр. социальной теории. 2010. Т. 4. С. 87-111.

16. *Симонова О.А.* К формированию социологии идентичности // Социолог. журн. 2008. № 3. С. 45-61.
17. *Солдатова Е.Л.* Динамика эго-идентичности и представлений о будущем в нормативных кризисах взрослости // Психолог. наука и образование. 2006. № 2. С. 16-30.
18. *Фрейд З.* Толкование сновидений : пер. с нем. М. : Эксмо ; СПб. : Мизгард, 2005. 1083 с.
19. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э.М. Телятников, Т.В. Панфилова. Минск : Попурри, 1999. 624 с.
20. *Фромм Э.* Здоровое общество. М. : АСТ, 2009. 284 с.
21. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики М. : МПСИ : Моск. психолого-социал. ин-т, 2007. 128 с.
22. *Шнейдер Л.Б.* Реконструкция идентичности. Структурный и динамический аспект // Развитие личности. 2007. № 2. С. 44-69.
23. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта ; МПСИ : Моск. психолого-социал. ин-т ; Прогресс, 2006. 352 с.
24. *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М. : Канон, 1994. 358 с.
25. *Юнг К.Г.* Синхронистичность. М. : Рефл-бук, 1997. 316 с.
26. *Butler J.* Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth-Century France. NY : Columbia University Press, 1999, 225 p.
27. *Elkind D.* Erik Erikson's Eight Ages of Man [Электронный ресурс]. URL: http://www.pdx.edu.ceed/files/sscbt_EriksonsEightAgesofMan.pdf (дата обращения: 16.02.2014).
28. *Mead M.* Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap [Электронный ресурс]. URL: <http://mx.esc.ru/~assur/ocr/mead/mead.htm> (дата обращения: 17.02.2014)

Материал поступил в редколлегия 17.03.2014 г.

Kirill V. Zlokazov, Candidate of Psychology, assistant professor, Head of the Department of Education and Psychology, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs. Ekaterinburg. E-mail: zkirvit@yandex.ru

DESTRUCTIVENESS AND IDENTITY OF A PERSONALITY

Abstract: The article describes the phenomenon of destructive personality as a way of identity formation, implemented by destroying of social structures, which are relevant to the subject. Destructiveness is seen as a form of subject's activity aimed at the destruction of external structures and building of his (her) own structure different from other structural images (identity). Activity in this sense does not exist outside the society. Such activity is recorded in the motivational and regulatory areas and in the self-consciousness in relation to the functions (roles, rituals, and institutions), objects (body, objects, and designs) of the social space. Its asocial character is seen as the exclusion of the subject from the social context, or as the destruction of the society's structures. Destructive activity leads to antisocial and pro-social effects affecting social functioning entity where a-sociality is a break of the functioning of social structures and institutions through their destruction and alienation of the subject. Destruction is a way of avoiding conflicts, including those associated with excessive appreciation of actualized needs. Pro-social effect leads to the formation of the identity of the subject in accordance with the requirements of interacting social structures and modifying synchronization of identity with the current social experience.

Keywords: destructiveness of personality, identity, pro-social and antisocial destruction of identity, culture and temporary effect of destructive personality.

*The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below*

BIBLIOGRAFIChESKIJ SPISOK

1. Adler A. Praktika i teorija individual'noj psihologii : Per. s nem. / Vstup. st. A.M. Bokovikova. M. : Progress, 1995. 296 s.
2. B'judzhenal' D. Nauka byt' zhivym: Dialogi mezhdu terapevtom i pacientami v gumanisticheskoj terapii (V poiskah jekzistencial'noj identichnosti) / per. s angl. A.B. Fen'ko. M. : Klass, 2005. 336 s.
3. Vasiljuk F.E. Na podstupah k sinergijnoj psihoterapii // Mosk. psihoterapevt. zhurn. 1997. № 2. S. 5-24.
4. Vygotskij L.S. Konkretnaja psihologija cheloveka // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologija. 1986. № 1. 140 s.
5. Dmitrieva N.V., Dubrovina O.V. Addiktivnaja identichnost' virtual'no zavisimoj lichnosti monografija. Ishim : Izd-vo Ishim. gos. ped. in-ta im. P.P. Ershova, 2010. 198 s.
6. Zvereva I.A. Identichnost' kak filosofskaja problema: sociokul'turnye osnovanija : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11 M., 2010. 179 s.
7. Znakov V.V. Samoponimanie sub#ekta kak kognitivnaja i jekzistencial'naja problema // Psiholog. zhurn. 2005. T. 26, № 1. S. 18-28.
8. Klochko V.E. Samoorganizacija v psihologicheskikh sistemah: problemy stanovlenija mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyj analiz). Tomsk : Tomsk. gos. un-t, 2005. 174 s.
9. Klochko V.E., Luk'janov O.V. Lichnostnaja identichnost' i problema ustojchivosti cheloveka v menjajushemsja mire: sistemno-antropologicheskij rakurs // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. 2009. № 324. S. 333-337.
10. Kozhev A. Dialektika Real'nogo i fenomenologicheskij metod u Gegelja // Ideja smerti v filosofii Gegelja M. : Progress-Tradicija, 1998. 290 s.
11. Kogan L.N. Sociologija kul'tury : ucheb. posobie. Ekaterinburg, 1992. 120 s.
12. Luk'janov O.V. Samoidentichnost' kak uslovie ustojchivosti cheloveka v menjajushemsja mire: dis. ... d-ra. psiholog. nauk. Tomsk, 2009. 289 c.
13. Malejchuk G.I. Metodiki diagnostiki stepeni samoidentichnosti kak kriterija psihologicheskogo zdorov'ja // Psiholog. zhurn. 2009. № 4. S. 35-41.
14. Ovchinnikova Ju.G. O putjah razreshenija krizisa identichnosti // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologija. 2003. № 4. S. 44-45.
15. Orlova Je.A. Koncepcija identichnosti/identifikacii v social'no nauchnom znanii // Vopr. social'noj teorii. 2010. T. 4. S. 87-111.
16. Simonova O.A. K formirovaniju sociologii identichnosti // Sociolog. zhurn. 2008. № 3. S. 45-61.
17. Soldatova E.L. Dinamika jego-identichnosti i predstavlenij o budushhem v normativnyh krizisah vzroslosti // Psiholog. nauka i obrazovanie. 2006. № 2. S. 16-30.
18. Frejd Z. Tolkovanie snovidenij : per. s nem. M. : Jeksio ; SPb. : Mizhgard, 2005. 1083 s.
19. Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti / per. s angl. Je.M. Teljatnikova, T.V. Panfilova. Minsk : Popurri, 1999. 624 s.
20. Fromm Je. Zdorovoe obshhestvo. M. : AST, 2009. 284 c.
21. Shnejder L.B. Lichnostnaja, gendernaja i professional'naja identichnost': teorija i metody diagnostiki. M. : MPSI : Mosk. psihologo-social. in-t, 2007. 128 s.
22. Shnejder L.B. Rekonstrukcija identichnosti. Strukturnyj i dinamicheskij aspekt // Razvitiie lichnosti. 2007. № 2. S.44-69.
23. Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis. M. : Flinta ; MPSI : Mosk. psihologo-social. in-t ; Progress, 2006. 352 s.
24. Jung K.G. Psihologija bessoznatel'nogo. M. : Kanon, 1994. 358 c.
25. Jung K.G. Sinhronistichnost'. M. : Refl-buk, 1997. 316 s.

26. *Butler J.* Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth-Century France. NY : Columbia University Press, 1999, 225 p.

27. *Elkind D.* Erik Erikson's Eight Ages of Man [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.pdx.edu.ceed/files/sscbt_EriksonsEightAgesofMan.pdf (data obrashhenija: 16.02.2014).

28. *Mead M.* Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mx.esc.ru/~assur/ocr/mead/mead.htm> (data obrashhenija: 17.02.2014).